

Дмитрий НОВИКОВ
г. Петрозаводск

Г Л А З А А

рассказ

— Сёй, сёй*, — баба Лена все подкладывает в тарелки дымящейся вареной оленины. Она — карелка. Дед Андрей — коми. Коми-ижемец — он явно гордится происхождением.

В маленькой лесной избушке тепло. Это самое главное — еще полчаса назад мы с Володей дрожали крупной звериной дрожью, насквозь промокнув под брызгами злых, острых волн озера Любви — как еще на русский перевести Ловозеро.

Дед Андрей, маленький, сморщенный, быстро пьянеющий старик с пронзительными голубыми глазами. У настоящих алкоголиков они мутные, постоянно слезятся. Здесь же этого нет и в помине.

— Ты не смотри, что я сейчас в лесу живу. Я мно-о-огое прошел, — он постоянно в движении. Присядет за стол, вскочит подкинуть дров, помешать парящее варево на плите. — Я в поселке раньше жил. А еще раньше олениводом работал, бригадиром в бригаде. Двадцать человек у меня было, и все девушки, — он сладко жмурится.

— Комсоргом я у них был, — продолжает после паузы, отхлебнув черного, полкружки сахара — чаю. — Взносы собирал.

— А какие взносы были, сколько? — мне вдруг стало интересно, вспомнилась красная книжица с фиолетовыми размытыми штампами внутри «Уплачено. ВЛКСМ».

— Сколько-нисколько. Палка — взнос, — дед Андрей радостно смеется, хороша была комсомольская юность.

— А раньше где жили? Происхождения какого? — допытываюсь я. Мне интересно, я в тундре — всего второй раз. Но уже чувствую, как страшно давит меня красота здешних мест. Она нереальная, жесткая — голубая быстрая речка,

* Сёй (коми) — ешь.

окаймленная неширокой полоской свежее-зеленого летнего северного леса, за ним — широчайшее серое пространство болот. Вдалеке, но близко, над всем мирным пейзажем жутко нависают Ловозерские тундры — голубые горы со сметанно стекающими с вершин белыми снежниками.

— Из Коми мы, с Ижемского района. Сюда пригнали нас оленей пасти, на Кольский. Восемь детей было. Осталось два. Вот тебе и коммунизм, — дед Андрей помрачнел и внезапно замкнулся. Пришлось подлить ему в стакан разведенного спирта.

— А как места здесь вообще, интересные? — я сам немного знал, читал, но хотелось услышать от местного жителя. Местные чем и хороши для пытливого слуха — много разных тайн знают. Расскажут, если захотят.

Дед Андрей как-то по-особому остро посмотрел на меня:

— Куда как интересные. Сейдозеро в стороне от вас останется, так что сейдов* не много увидите. Но Куйва** за вами присмотрит, — он странно хихикнул: — Скалы пройдете — Праудедки называются. Рисунки там наскальные есть. Капиша. Место особое есть — Чальмны Варэ. Если дойдете, конечно.

Он опять помолчал, задумчиво жуя кусок мяса. Потом снова встрепенулся.

— Да нет, ничего жизнь была. Хорошая. Тяжелая только, — дед обхватил граненый стакан не по росту широкой ладонью, опрокинул в себя. Затем медленно залез на огромный, в полдома, топчан, что тянулся вдоль всей стены. Пятнадцать человек легко могли разместиться на нем. Одежда, шкуры, но чистые. Не было в них заскорузлого запаха человеческого отчаянья. Из грубых досок сколоченный, приземистый и крепкий — он казался очень уютным и теплым — за стенами продолжал бушевать ветер, окошко текло водой дождя. Было слышно завывание озера Любви.

Володю увела куда-то баба Лена. Он всю жизнь прожил среди степей, хоть и украинец по национальности. В лесу, в тундре — первый раз. Поэтому порой наивен как новое ведро на краю колодца — стоит, сверкая, солнцем цин-

ка, не зная о грядущем полете вниз. Хорошо, что есть цепь.

Мне не спалось. Тот самый мандраж, невеселый для сорока лет страх, который поселился в душе задолго до похода, не давал ни на минуту расслабиться. Лишь иногда получалось на мгновение задушить его глубоким, колодезным глотком алкоголя, но и тогда он только помогал упасть в оленьи шкуры сна, пробуждение от которого было еще более пугающим.

Я не знал, почему так в этот раз. Позволял себе немного догадываться. Но никак не мог окончательно определиться.

Дед Андрей похрапывал на топчане. Я в очередной из многочисленных раз достал из рюкзака карту и описание маршрута. Открыл ее и стал всматриваться в заученные изгибы рек. Одна из них носила странное имя — Афанасия. Ко второй, огромной, безлюдной и величественной, — предстояло дойти. Поной, Собачья река в переводе с саамского. Не самое веселое имя...

Не знаю, что за странная прихоть ведет меня на север. Она неодолима. И часто, опять собираясь, укладывая вещи в рюкзак, думаешь со страхом и упованием — бесы ли манят, промысел ли божий. Так и мучаешься в сомнениях, пока не дойдешь до края, где открывается всё. Там узнаешь — благодарить или бежать.

Я еще раз прочитал описание маршрута. На стигах его уже начали протираться дыры. Да, безлюдье на сотни километров. Да, четвертая категория. Да, на сплавах предыдущих лет погибли одиннадцать человек. Но неотвратимо и ласково манила зелено-голубая карта обширной местности. Были в ней обещание и загадка, как в красивой испуганной женщине, уже покорной, уже сдавшейся. И нужен очень трезвый глаз, чтобы за нежной подат-

* Сейд (саамск.) — культовое сооружение, большой камень, установленный на несколько маленьких.

** Куйва — огромное изображение великана на одной из скал над Сейдозером.

ливостью этой суметь увидеть мгновение острого стального взгляда из-под трепещущих в страхе ресниц.

— Мама, я знаю, что нужно делать, чтобы мальчик за тобой погнался, — говорила одна четырехлетняя прелестница моей знакомой. — Нужно подойти, улыбнуться и побежать...

Всё, хватит. Карту опять в рюкзак. Сапоги на ноги. В дверь, наружу. На мне брезент энцефалитки, на поясе — нож, в ногах твердость, в груди — решимость, в голове — задор. Сделав глоток спирта и закусив куском оленины, я вышел из дома.

Посреди белой ночи, в северной глуши, стояла черная избушка. Черная она потому, что стены из тонкомера снаружи обтянуты толем — таков кольский стиль. Поверх толя зачем-то — маскировочная сетка, скорей всего — для красоты. Низкая крыша из почерневшего от времени шифера была пологая — сугробы снега наверху давали зимой лишнюю толику тепла. Маленькие окошки тоже берегли жизнь от лютого холода. Хлипкая изгородь, сплетенная из тонких березок, — не от человека или зверя. Задерживая снег, она принимала на себя удары ветра с озера. Ещё был огород — два метра вскопанной земли, из которой торчала пара былинки лука да робко пробивались листья клубники — ягод нужно было ждать к сентябрю.

Куриных ножек у избушки не было. А может, и были, просто она низко, нахохлившись, присела на землю.

По двору бродили две хорошие собаки-лайки. Я сразу подружился с ними за оленью кость. Поодаль была привязана собака злая. Помесь сенбернара и кавказской овчарки, она когда-то была сильно обижена людьми. Поэтому бросалась молча, без предупреждения. Лишь внезапный звон толстой цепи мог спасти от смертельной опасности, которой не почувал черный кот Василий, и спина теперь была без шерсти — страшные зубы сорвали шкуру с обоих боков и сверху. Теперь кот был черно-розовый, непонятно как выживший, но по-

прежнему ласковый и ждущий рыбы. Хорошие собаки иногда шутливо прихватывали его то за голову, то за шрам. Он игриво отбивался, не выпуская когтей. Цепь же обходил далеко.

— Пойдем, Володя, я тебя с собачкой познакомлю. Чтобы не покусала случайно, — из-за изгороди донесся голос бабы Лены. Следом за ней покорно шел Володя. Бывший чемпион по плаванию, двухметрового роста, он по жизни был слегка задумчив — водная среда медленнее, тягучее воздуха. Длинноволосый, с черной бородой, он для пушей красоты надел в лес спортивный костюм былых достижений с золотой надписью «Kazakhstan» на спине. Основные же цвета его были желтый и голубой, символизируя, возможно, происхождение бывшего пловца. «Ну что, пираты в городе», — так приветствовал его вчера первый встреченный на кольской земле. Действительно, большая серьга в ухе Володе бы очень подошла.

Ещё когда собирались дома, я много говорил про север. Про тревоги и опасности. Про то, что непонятно на самом деле, как зайти на Поной, слишком много изгибов было на пути к нему. Что так же непонятно, как с него выйти — река впадает в Белое море, у самого горла его, на границе с Баренцевым, где из жителей только пограничники, а из возможных средств выброски лишь теплоходик «Клавдия Еланская» с таинственным расписанием да вертолеты, возящие американских рыбаков на элитную рыбалку. «Выход, похожий на вход», — глубокомысленно изрек тогда Володя. А я принялся шутить.

— Володя, на пограничников надежды мало. На «Клавдию» меньше того. Один реальный выход — суровый вертолетчик. Ты, красивый и видный мужчина, должен суметь очаровать вертолетчика. Денег для алчного Икара у нас будет мало. Поэтому придумай что-нибудь.

— Выход, похожий на вход, — уже радостно хохотал Володя. Отчего бы не поскобрезничать двум взрослым мужикам.

Но больше смеялся я, когда в магазине продавщица протянула Володе голубой спальник, внутренность которого была отделана веселой байкой с пушистыми котятами на ней. Володя

хмурился уже. От другого спальника — траурно-черного цвета, отказался наотрез.

И хохотали в голос уже вместе, когда в другом суровом магазине для настоящих, искренних мужчин не оказалось брезентухи Володино не маленького размера. Вот это возьмите, тоже помогает от клещей — в руках у девушки была сеточка на голое тело, что так выгодно может обрисовать спортивный мужской торс.

— Суровые вертолетчики крикнут радостное «Хэй!!!», увидев красивого тебя. И вывезут куда угодно. А я уж с вами в уголке!

Вот что в Володе особенно хорошо — он никогда не обижается. В походе это очень важно.

Всё почему-то быстро вспомнилось, пока я наблюдал, как маленькая баба Лена властно ведет большого Володю к привязанной на цепь собаке.

— Кровавик, — она сунула ему в руку зеленоватый, с красными пятнами камень, — саамская кровь называем. Подарок тебе.

— Познакомься, Бэрик, свои, свои, — баба Лена стала сильно гладить пса, пригибая его голову к земле. Тот тихонько рычал.

— Володя, не бойся, наклонись, погладь собачку, — какие-то особые ноты появились в ее старческом раньше, резко помолодевшем голосе.

Володя послушно нагнулся. Как удачно спикировавшая чайка, взлетающая вверх с добычей, навстречу большому росту взмыла баба Лена и впиалась в большие Володины губы тяжелым, сильным поцелуем.

От неожиданности и ужаса мой друг на секунду замер, а затем навзничь опрокинулся на спину, стремительно, по-заячьи перевернулся и на четвереньках ринулся прочь.

— Куда, куда, стой! — баба Лена пыталась прихватить его за желто-голубой костюм, но он вырвался и колом закатился за угол избушки. Затрещали сучья.

Баба Лена оглянулась, поправила седые волосы и вернулась в дом. Минут через десять, так и не отойдя от увиденного, туда же зашел и я. Еще через десять минут осторожно протиснулся запыхавшийся Володя. Дед Андрей не спал, сидел на лавке. Баба Лена снова накрывала на стол.

— Это — моя женщина, — мрачно сказал дед Андрей испуганному Володе, и тот лишь смыслено моргнул большими понятливыми глазами.

Остаток ночи прошел в полубреду. Снова разгулялся ветер за окном. Снова пошел дождь. Чуйка не подвела меня, и я лег с краю топчана, ближе к стене. За мной пристроился Володя. Дальше лежал дед Андрей. Он снова выпил и камлал всю ночь. То начинал умолять тоненьким голоском: «Не трогай, не трогай меня, я нормальный мужик». Потом затихал на десять минут. Я сразу проваливался в сон. И просыпался от его грубого и тяжелого, как холодная вода, приказа: «Лежи тихо. Жди». Волосы начинали шевелиться у меня. Сзади беспокойно ворочался Володя. Дед Андрей опять затихал, чтобы через новый промежуток зашептать: «Володька, Володька, вставай, налей деду».

Бабы Лены было не слышно. Но я знал, чувствовал, что она не спит, что она где-то рядом и внимательно смотрит сквозь темноту холодными острыми глазами.

Всё это повторялось раз за разом. Я не знал уже — во сне или наяву. Ужас был на дне темного провала, куда я летел в забытии, но, вздрогнув и проснувшись, я понимал, что наяву страшнее. Приснилось ли, вспомнилось, но я отчаянно и вновь увидел, как ты пила мою кровь. Мы расставались, вернее, уходила ты. А мне было нужно показать, что наплевать, что не боюсь ничего. Даже этого, что казалось равным смерти. Я был безбоязненным тогда. И браво водкой заливал лихое горе. Позвал на праздник друга своего, пьющего доктора. Мы выпили в машине. Я сходил в аптеку и купил систему. «Откачай-ка мне, братка, крови. Кровопускание должно помочь». И когда набралось пол-литра, взяли еще водки и пошли к тебе. Мне так хотелось напугать тебя каким-нибудь особенным путем. Я смешал водку с кровью и грубо приказал: «Пей!» И всего ожидал — слез, страха, негодования, рвоты. Но не смеха. Ты смеялась и пила. Одну рюмку, другую, третью. Смеялась, внимательно глядя мне в глаза холодным острым взглядом...

Наконец настало утро. Чуть только беле-
сость белой ночи сменилась солнечным лу-
чом, прорвавшим вдруг тяжелые тучи Ловозе-
ра, мы с Володей одновременно вскочили на
ноги. Тихонько выскользнули из избушки,
умылись живою серою водой. Прокрались об-
ратно за вещами. А на плите уже вовсю кипел
чайник. За столом улыбочиво сидел дед Анд-
рей. Баба Лена резала пластинами розовое, проз-
рачное мясо большого жирного сига.

— Садитесь завтракать, — дед Андрей был яв-
но в духе, — Володька, налей деду.

— Сёй, сёй, — баба Лена щедро накладывала
на тарелки неземного вкуса яство.

— Я вот что думаю. Далеко-то я вверх не хо-
дил. Покажь-ка карту. Да, Марийок, потом
еще километров тридцать. Волок. Койнийок.
Тяжеленько вам будет, — радостно заключил
дед: — Но один точно вернется. Не знаю, как
хохол, а русак вернется точно!

— Куда, как вернется? — я подлил старику
еще, но тот лишь широко улыбнулся в ответ.

— Дед, а может, ты — смотритель реки? — Во-
лодя настороженно спросил.

Тот снял с лица улыбку и сказал вдруг серь-
езно и жестко:

— А ты больше никогда так не говори!

И через минуту молчания:

— Ну, с богом! Длинный путь.

Мы быстро собрали байдарку. Кинули вещи,
погрузились сами. Мяукнул на прощанье
Васька-кот. Залаяли лайки. Зазвенел цепью
сенбернар. Я оттолкнулся веслом от близкого
дна. Володя покачнулся, сидя в носу со вто-
рым веслом.

— Задницей, задницей равновесие лови! —
крикнул я ему главный байдарочный секрет.

— В жопу поветерь!!! — сказал дед Андрей и
обнял бабу Лену за плечи.

Через несколько гребков мы были далеко, и,
с трудом обернувшись в узкой лодке, я увидел
две маленькие уже, пристально глядящие нам
в спину фигурки. Рядом бегали собаки, и чер-
но-розовой запятой вился возле ног кот.

Поначалу река была спокойной, неторопли-
вой, и мы легко выгребали против течения.

Настолько, что было время, чтобы смотреть ок-
рест и думать про путь. Потому что ничего нет
слаще и тревожнее, чем думать про путь, осо-
бенно в начале его. Ведь только в дороге ты по-
настоящему свободен и честен перед Богом и
собой. В любых других обстоятельствах зависи-
мость от людских схем гнет тебя к земле. И
лишь беря на себя всю радость бремени за до-
рогу к жизни или смерти, имея над головой все-
го лишь небо, а под ногами только землю или
воду, ты становишься господин себе. И помочь
тебе может лишь нательный крест, а помешать
— лишь былые неправды. Все остальное — в ру-
ках, разуме и душе твоей. В дороге ты чист и по-
тому силен и уязвим. Но это жизнь, достойная
того, чтобы попробовать ее на вкус и запах.

Медленно протекали мимо нас берега. За-
росли карликовой березки сменялись откры-
тыми пространствами моховых болот. Иногда
внезапно возникали песчаные отмели, и на
них были видны следы оленьих стад. Тихо бы-
ло вокруг. Моросил мелкий дождь. Изо рта
шел пар. Был конец июня.

Берега текли медленно, а потом остано-
вились. И потихоньку пошли назад. Одновре-
менно с этим послышался шум. Я очнулся от
благородных мыслей и увидел, что, пока меч-
тал, речка изменилась. Она стала быстрой.
Впереди был слышен первый порог.

Я вообще сильно рассчитывал на Володю.
Еще бы — спортсмен, хотя и в прошлом. Шесть
литров легких и клубок тяжелых мышц. Вдвоем
мы многое могли пройти. Я рассчитывал еще
на нескольких людей. Они собирались идти со
мною, у них были лодки, ружья, умение и отва-
га. Я полгода заманивал их на Поной, обещая
золотые горы, несметную рыбу, красоты и вос-
поминания. Они соглашались, кивали голова-
ми, сжимали в руках оружие и готовы были на
многое. Пока не подошло время пути. Один за
другим, словно недозревшие обмороженные
почки с дерева, отваливались от пути герои и
рыбаки. По разным причинам — семейным,
бытовым, другим. Я думаю, что их просто испу-
гал путь. Он действительно был непростым.

Последним отпочковался друг мой Конев. Полгода он собирался, а кончился в последний день перед отъездом. «Внезапно заболела язва. Я не пойду», — и все слова. Ни сожаления, ни извинения. По-женски как-то отвалился Конев, сделал кувырок через голову и был таков. Остались мы с Володей одни. И теперь гребем изо всех сил, а вдвоем тяжело, еще бы человечка в помощь. Речка бурлит, совсем ускорилась резко, сменила спокойный нор. Того и гляди — снесет обратно в озеро.

Короче, еле выгребли на берег. Перед самым порогом тихая заводь была с водоворотиком небольшим, туда-то мы и нырнули. Выскочил я на берег, байдарку подтянул. Вылез и Володя. Как-то не очень быстро он осваивается. Хотя что с человека степного взять в условиях далекого севера. Я сам точно так же какую-нибудь лошадь упустил бы на волю, как Володя байдарку. Хорошо, шкерт на носу привязан был, за него еле схватиться успели, когда она плавно и свободно уже готовилась без нас отплыть в одиночное плавание. Остались бы без еды и снаряжения в самом начале.

Но красиво кругом так, что руки сами быстро-быстро работу делают — костер, палатка там, а голова вертится отдельно, красоту эту через глаза, уши и ноздри впитывая. Порог речной шумит, лес зеленью свежей глаза ласкает. И только высокие синие тундры, облитые сметаной снежников, сурово висят над головой. И кажется — постоянно смотрят, наблюдают за тобой. Словно ты коммунист — сам маленький, а совесть у тебя огромная и синяя.

Володю я легко в поход заманил. Он человек хороший, но забавный. Решил почему-то, что самое интересное в мире — это древние индейцы. Какой-то в детстве комплекс у него сформировался. И вот эти индейцы у него везде — в голове, в сердце и в глазах, больших и вечно удивленных. Ацтеки, майя, Кексоткоатль и прочие радости. Он даже книжку об этом написал, фантастические рассказы про индейцев, как они все предвидят и способствуют. Поэтому ему было достаточно лишь фотографии Праудедков показать, скал, что в пойме

Поноя расположены. А скалы действительно замечательные. Фигуры сидящих великанов, фантастические животные, горбоносые профили с перьями на макушке — бальзам для настоящего фантаста. Вот Володя и кинулся в северный поход за южным знанием. А знание — оно вне земной географии. География души человеческой — вот оно где.

Утром встали — так лагерь собирать неохота. Быстро человек к любому месту прикипает. Даже палатка в одну ночь домом родным становится. Да и как иначе, когда на улице дождь и температура — плюс три. Пар изо рта валит, сапоги мокрые, хорошо — комаров и мошки пока нет, холодно им еще. Ну и потряхивает, конечно, от детского ужаса перед собой — куда черт несет?

Я, когда дома собираться начал, все не мог понять — кто меня сюда ведет — то ли промысел божий, то ли бесы манят. Фотографии смотрю здешних мест — красота такая, что страшно. Стал людей искать, чтобы помочь смогли, — легко как-то все получается. Один, другой, третий, общие знакомые находятся, в Интернете совсем со стороны люди — и все помогают, ведут радостно. Очень я этим доволен сначала был. А потом насторожился слегка. Если все слишком хорошо — что-то не так. Это — одно из моих основных знаний о жизни в родной стране. Чуйка моя. Иногда помогает. Приятель, казацких корней, говорил — чуйка, мол, палочка такая с черной ленточкой. Когда за убитого казака мстили, то на могилу ее ставили, отомщен, дескать. Но я и другое знаю — чуйка — это чувство такое. Лучше его слушать.

Есть, правда, напиток волшебный, который переводит страх в мужество. Называется — спирт этиловый, разведенный. Позавтракали мы с Володей им да тушенкой с макаронами и бодро так собрались, опять на многое готовы, красавцы и герои. Всё в байду уложили красиво и плотно. И пошли. Только теперь уже первый этап пути закончился. Тот, когда сидишь на лодочке да веслами помахиваешь, на природу любуясь. Бечева началась. И кусты.

Бечева легче волока. Но ненамного. На во-

локе все на себе волочишь. Тут же вещи все в байдарке. А ты ее по воде за носовой шкерт тащишь. Она легко идет, если течение не быстрое, да берег пологий, да тропинка по нему — идешь гуляючи, цветы нюхает попутно. А тут пороги, да кусты непролазные, да речонка стала уж больно бойкой. Байдарка то и дело в кусты носом упирается, выдираешь ее оттуда с хрустом. Сами березки даром что карликовые — метров до двух ростом, да переплетенные все, словно волосы кудрявой девчонки после ночи искренней любви.

Приспособились кое-как. Я впереди байдарку тащу, через березы продираясь. Володя сзади с веслом, отталкивает ее от берега вовремя, чтобы в зарослях не путалась. Бодро сначала пошли, сил в избытке. Дождь нипочем, холод побоку — конкиста идет. Полог походный натягивали только когда ливень сплошной начался, а так — вперед, через ухабы. Правда, когда первый раз за собой плеск громкий услышал, испугался сильно. Но виду не подал, подумал — рыба большая. Обернулся — а это Володя веслом промахнулся мимо борта да во весь свой рост плюхнулся в воду. Даром, что ли, чемпион по плаванию. Это первый раз было. А потом уж я оборачиваться перестал. То ли от усталости, то ли от ужаса, но стал Володя все чаще и чаще в воду падать. Бродни, воды полные, мокрый весь, но идет, держится. Привалы мы часа через три устраивали, когда совсем неумогу становилось ноги на высоту плеч задирать, чтобы сквозь заросли проломиться. Костерок маленький под тентом зажжешь, чайку согреешь да плеснешь туда — пуншик, как поморы говорили. И снова в путь.

Сначала мы бодриться пытались. Песню вспомнили про кустового кенгуру Скиппи, что из далекого детского фильма. Вот и шли, порой чуть не вприсядку — Скиппи, — поёшь, — Скиппи, Скиппи из э буш кангуру-у-у. Так первый день прошел. Лагерь на старой стоянке с костровищем сделали. Тент, палатка, костер и отсутствие ног. Носки свои мокрые Володя пытался высушить, грея камни в костре и заворачивая в них потом. Да тщетно. Дождь так и не кончился.

Все следующие дни стали похожи один на другой. Тяжелый подъем, ломота во всем теле, завтрак на скорую руку. Путь. Дождь лил не переставая, лишь иногда спадая до состояния мороси, зато в другое время проливался холодным ливнем, словно у неба был отпущенный запас воды, которую нужно вылить на горящую страстями землю. Мокрая одежда, мокрые ноги. Кусты. Через пару дней бодря песня про Скиппи превратилась в унылый романс «Не говорите про кусты, не говорите. Вы лучше спирт водой тихонько разведите. И шапку новую мою не потеряйте...». Вещи стали пропадать с пугающей частотой. Нож, садок для рыбы, носки. Они убывали так же, как и запас еды. Мы постоянно становились легче, скидывая с себя обузу и привязанности. Обувь пока держалась, хотя на резине стали появляться трещины на сгибах и вода сочилась сквозь них. На недолгих привалах я старался не смотреть на голые Володины ноги, когда он стаскивал с себя сапоги в очередной тщетной попытке их высушить или хотя бы согреть. Ноги были потертые, распухшие, мясного, с синеватым отливом, цвета. Мои были получше, я умудрился сохранить сухими одни шерстяные носки, которые надевал только на ночь, в палатке, и утром опять тщательно убирал в непромокаемую «гидру».

Песни в пути мы пели не столько от радости, сколько от страха. Следы людского пребывания — редкие костровища, тропинки, консервные банки — стали потихоньку исчезать, пока не пропали совсем. Вместо них появились звериные тропы. На песчаных участках, свободных от кустов, все чаще охладили душу первобытным ужасом следы сначала россомахи, а потом — медведя. Их становилось все больше и больше. Первые остатки медвежьей трапезы я заметил уже на второй день, но не сказал Володе. Дальше их стало настолько много, что не заметить было невозможно. Порой ступить на тропу было некуда из-за повсеместных черных куч. Когда Володя догадался наконец, что это такое, он бессонно просидел в палатке полночи. Под утро же, заснув, закричал почти сразу тонким голосом, перепугав меня. Ему присни-

лось, что медведь подошел к палатке и стал просовывать лапу под Володину спину, тяжело дыша и прижимаясь теплым боком. Володя во сне послушно прогибался, пока не осознал замутненным разумом, что происходит.

Мы пели разные песни, чтобы зверь заранее услышал нас и успел уйти. Говорят, это единственно помогает от нападения — медведь нападает, только испугавшись неожиданной встречи. Но так лишь говорят. Подходя к новым зарослям кустов на берегу, мы начинали истошно вопить про неуклюжих пешеходов, про орленка, который выше солнца, а иногда и вообще про вчера, когда мои беды были так далеко отсюда. Из оружия у нас были только пара ножей да четыре китайских фейерверка в форме маленьких гранаток-«лимонок». Взрываясь, они издавали резкий хлопок, который должен был напугать и обратить в бегство любого зверя. По крайней мере, мы надеялись на это. Ружей у нас не было, все люди с ружьями благоразумно остались дома.

Иногда я пробовал ловить рыбу. Но она не клевала. Заброс самых привлекательных приманок в самые чудесные для рыбы места не давал никаких результатов. Омуты с водоворотами, одинокие камни по течению, бурные перекаты — река должна была кишеть рыбою. Однако каждый раз с рыбалки я возвращался ни с чем. Единственным из трофеев было постоянное чувство, что кто-то внимательно наблюдает за тобой из леса. Приходилось петь еще громче, но я не был уверен, что это зверь, хотя и холодело сердце от вида каждой черной коряги в чаще и от каждого лесного треска за спиной. Вообще, почему-то было очень тихо. Не пели птицы. Не жужжали насекомые. Только неумолчный шум реки да голос постоянного дождя. К ним мы привыкли настолько, что не замечали. Тишина казалась полной.

Каждый раз, уже лежа в палатке вечером, мы начинали вспоминать и разговаривать, чтобы как-то убить тишину. Вспоминали почему-то больше женщин, мужчины меньше интересовали нас. Вспоминали плохих и хороших, веселых и злых, хитрых и простодушных. Таких совсем мало было. И каждый раз оказывалось,

что любой рассказ был связан с болью, приглушить которую мог только добрый глоток или циничный смех.

— Представляешь, я, когда увидел, что все попутчики наши испугались, начал судорожно в Интернете на туристических сайтах объявление вешать — ищу, мол, для похода на Поной. Так сразу девушка одна откликнулась. Пишет — хочу с вами пойти. А зовут меня Маша Изумрудова.

Володя впервые за последние дни радостно засмеялся:

— А чего — нужно было Машу с собой взять! Представляешь, какими бы мы тут гоголями ходили. И любой путь был бы нам не страшен. И в соревнованиях за Машу радостно летели бы часы и километры.

Потом он тщательно подумал:

— Фамилия какая-то странная — Изумрудова. Цыганка, что ли? Знаешь, хорошо, что не взяли. Ну его на фиг, женщин этих. Передрались бы ещё тут все.

Внутри у меня холодно шевельнулась моя чуйка.

Ночью ты сидела у меня на лице. Я так бесстрашно любил это раньше. Любил и сейчас, пока не стал задыхаться. Воздух кончался, и горячая радость, что только что была жизнью, стала душной, тяжелой, смертельной. С трудом я открыл глаза, проснулся и с отвращением откинул с лица мокрую со вчерашнего дождя шерстяную шапку...

Утром я услышал необычные звуки. После долгой и гнетущей тишины с неба лился глас серебряных труб. Раз, и еще раз, и еще. Внимательно осмотревшись, я осторожно вылез из палатки. Звуки раздавались со стороны реки. Натянув волглые сапоги, я вышел на берег. Низко над водой, медленно, как во сне, летели три лебедя-кликуна. Раз за разом они зычно и прозрачно кричали, словно сзывая неведомое воинство на бой.

Володя проснулся совсем мрачный:

— Кукушка кричала.

— Это не кукушка. Это лебеди пролетали, очень красиво, — мне хотелось казаться веселым.

— Знаешь, мне сегодня приснились надгробия — твоё и моё. Имена, фамилии. Даты рождения. А дат смерти пока нет.

Я притворился отважным, хотя не радостно слушать утром чужие сны:

— Володя, чего-то ты приуныл совсем. Может, вернемся?

— Да нет. Бабы Лены боюсь, — сказал Володя серьезно.

Он вылез из палатки и стал разводять костер. А я в сотый раз принялся перечитывать описание маршрута: «Примерно на середине Поноя находится заброшенное село Чальмны Варэ. После него характер реки резко меняется. Берега повышаются. отвесные скалы достигают высоты ста метров. Река сужается, часто петляет. Порой резко поворачивает, и тогда возникают опасные прижимы. На протяжении пятидесяти километров на ней располагаются одиннадцать порогов. Последний из них, Бревенный, непроходим».

Поразительно, но в реке совсем не было рыбы. Вернее, наверняка она была, клевать же отказывалась. Погода ли была тому причиной, еще что, но каждый раз, уходя на рыбалку, я возвращался с пустыми руками. Володя в мое отсутствие, казалось, слегка сходил с ума. Он передвигался по лагерю, постоянно озираясь и приплясывая. Пение песен стало его постоянным занятием. Пел он разные песни, иногда просто мычал, но в тишине находиться для него стало невыносимо. В руках он сжимал маленькие гранатки, готовый в любой момент нервно сорвать чеку и запустить в белый свет или в любую тень свое единственное игрушечное оружие.

Зато стало очень много птиц. Каждое утро, а то и под вечер нас преследовал щемящий душу крик лебедей-кликунов. Огромные жирные гуси пролетали так низко и близко, что иногда, казалось, их можно сбить удильцем спиннинга. Утки то и дело выныривали из реки в самых неожиданных местах и пугали внезапным своим появлением из-под воды. Все они внимательно следили за нами.

В один из дней я решил проверить свое

странное предположение. К тому времени многое из невероятного раньше уже казалось возможным.

— Володя, я пойду ловить рыбу, — сказал я ему, — а ты внимательно смотри. Я знаю имя одного беса, некрупного, но злого. Попрошу его. А ты гляди в оба.

Я вышел на берег реки. Володя зачем-то спрятался в кустах. Вода мирно журчала на небольшом перекате. Смотрели сверху горы.

Я распустил спиннинг.

— Катька, дай рыбы, — крикнул в гулкую пустоту отчаянно и безнадежно. Давно я ничего не просил.

Блесна упала далеко, почти у другого берега. Я стал крутить катушку, внутренне усмехаясь своей слабости, — сабельные походы комсомольской юности не оставляли обычно места сомнениям.

Внезапно удилище дрогнуло, согнулось, и я выхватил из воды чудесного трепещущего хариуса. Не долетев до кустов, в которых прятался Володя, он сорвался с крючка и заплясал на песчаном берегу. Я быстро и судорожно убил его, шмякнув головой о прибрежный камень, и закинул блесну снова. Вторая поклевка, и второй хариус заплясал рядом с неподвижным уже первым. Больше поклевок не было. Шутки и баловство кончились...

В этот вечер мы впервые поели свежей рыбы. А ночью я в ужасе проснулся в палатке от тихого тонкого воя. Выл Володя, неподвижно лежа в спальнике с широко раскрытыми глазами. Я несколько раз сильно толкнул его, пытаясь как-то расшевелить. Наконец он замолчал, полежал немного неподвижно, затем тяжело и грузно вылез из спальника.

— Миша, мне в голову вошел парализующий шар! Я не мог двигаться. Я мог только лежать и звать тебя. Но ты спал. Тогда я испугался, — сбивчивый Володин рассказ был особенно гнетущ посреди окружающей палатку мертвой тишины. Выглядывать наружу не хотелось.

— Володя, все это ерунда! У тебя опять фантастическое воображение проснулось. Нет никаких шаров и надгробий. Медведь есть, правда, но он держится поодаль. Мы просто идем

обычным русским путем, — я старался говорить уверенно, чтобы унять дрожь в голосе. Крепкие руки умело разводили напиток утреннего мужества.

— Что значит — русским путем? — Володя слегка успокоился и заинтересовался.

— Предки наши шли в неведомое, поморы и ушкуйники. Ну и что — лопари колдуны и шаманы были сплошь. Ну и что — Куйва на скале и сейды вокруг. У наших — крест на шее и топор в руках. Крестили же лопарей, последних, но крестили. А бесы все — внутри. Нет ничего снаружи, все — внутри.

Володя как-то приободрился героической историей и глотком спирта.

— Я кофе поставлю, — он осторожно, но настойчиво полез наружу из палатки, мелькнув напоследок своими голыми ступнями с кровавыми потертостями на них.

А я остался внутри, чтобы подумать. Опять достал карту. Красивая она была в чем-то неуловимо, по-женски лживая. Расстояния какие-то не те, уже семь дней идем, а волока не видно. Изгиб на реке вот этот был, а следующего не было. Ручья чего-то не заметил, а он большой на карте. Но все равно красивая она. Зеленые массивы лесов и болот. Голубые из-

вивы рек. География. Давно изученная, написанная, нарисованная. И любой путь теперь — лишь повторение идущих пред тобой.

Другое дело — внутри. Ничего не ясно. Смутно, и не проясняется. Душа человечья, злоба и радость. Боль. И путь навстречу боли. Любовь. Баба Лена. Кровь всегда морковного цвета. Жесткие пустые глаза и свет улыбки. Карта души...

Видимо, я задремал. Очнулся от пыхтеня у костра — Володя раздувал огонь.

Карта лежала рядом. Поверх нее — описание маршрута. Взгляд упал на последний абзац:

«Село Чальмны Варэ. В переводе с саамского — Глаза леса...»

□

Дмитрий Геннадьевич НОВИКОВ

родился в 1966 году в Петрозаводске.

Печататься начал в 2000 году.

Публикации: журналы «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент», «Север», «Carelia», «Parnasso», «Narciss», альманахи: «Мир Паустовского»,

«Современная сетевая русская литература»,

«Новые писатели», «Границы» (Норвегия).

Книги: «Танго Карельского перешейка» (2001),

«Муха в янтаре» (2003), «Вожделение» (2005).

Рассказы переведены на английский, армянский, норвежский и финский языки.

Финалист премий сетевой литературы

«Арт-Лито 2000», «Баренцфорфлаг» (Норвегия, 2008),

лауреат премий «Вдохнуть Париж» (2004), «Соколофф-приз» (2004),

Новой Пушкинской премии (2007), «Чеховский дар» (2010).

Участник «Литературного экспресса» (Москва-Владивосток) (2008),

Живет в Петрозаводске.

